

Катя Корж

ПАДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катя Корж

Падение

«Автор»

2026

Корж К.

Падение / К. Корж — «Автор», 2026

Регина, дочь легендарного игрока, сменила покерный блеф на академическую карьеру, пытаясь убежать от теней прошлого. Но появление таинственного Джокера, готового исполнить любое желание за победу в игре, заставляет её вернуться за стол. Её подруга Лиза — успешная художница, чьи графические романы полны героев, которыми ей самой не суждено стать. Скованная шантажом и чужими тайнами, она ждёт спасения от вымышленного идеала, пока реальность не заставляет её саму выйти на охоту. Случайно ли подруги одновременно надевают маски, чтобы встретиться со своими «спасителями»? Или они лишь пешки в чьей-то большой и скучающей игре?

© Корж К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Богдан	5
Регина	7
Регина	12
Регина	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Катя Корж

Падение

Богдан

Двадцать первый век - время, когда каждый может стать королём своего дела. Тебе не нужно садиться на трон и носить корону, чтобы тебя им считали, достаточно быть тем, кто даст пример остальным.

Что касается меня, я ужасный пример. Глядя на меня, вы будете тыкать пальцами и говорить своему ребёнку учиться лучше, чтобы он не стал таким, как я. Вы будете смотреть на девятнадцатилетнего оболтуса, что спит днями и совершенно не нужен своим родителям. Вы решите, что он опустил давно свои руки и больше никогда их не поднимет, потому что моё поколение лениво, бесполезно и думает только о себе.

Что ж, тут вы правы, и практически во всём. Я сплю днями, потому что время моего правления - ночь. Я абсолютно не нужен родителям, потому что они уже с пелёнок решили, что я самостоятельный человек и сам могу о себе позаботиться. И да, опустил руки я давно, приходится держать их в карманах брюк, чтобы не ударить очередного безмозглого, который меня раздражает. Я ленивый, бесполезный для вашего общества и действительно думаю только о себе.

Именно моя лень дала мне новое дело, в котором я король. Ночь - моя сила, именно тогда ко мне приходят те, кого вы практически никогда не видите, а потому за общество и не считаете. Они приезжают на машинах, которые вы видите лишь с плоских экранов смартфонов, и изредка вздыхаете. Они носят аксессуары, которые стоят больше квартир, в которых вы живёте. Я же даю им немного огонька, потому что с деньгами ты можешь купить всё, но вот за азартом нужно ещё поохотиться.

Я король подпольного покера. За участие в одном из моих турниров вы отдадите больше, чем заработаете за год. И что же вы получите от меня?

Славу, почёт среди остальных здешних обывателей и безумное количество азарта, которого так не хватает в жизни истосковавшимся и изголодавшимся богачам.

Я люблю покер. Это моя маленькая слабость, которую я превратил в неплохой источник дохода, и два раза в год он приносит мне прибыль на пару нулей больше, чем обычно. Я решил устроить турнир среди постоянных клиентов, который проходит первого октября и первого апреля.

Элита, что приходит ко мне выкинуть состояние и заработать почёт, не знает, что даже у обычного турнира есть свои мотивы. Я в поиске...

Мне нужен человек, который станет для меня одним из главных в жизни. Если вы не классический игрок в покер, то знакомы с комбинацией Five of a Kind. Когда в игру вступает Джокер, оказывающиеся рядом с ним четыре туза накрывают по силе любую комбинацию.

Три туза я нашёл. Это ребята, с которыми вам лучше никогда не связываться. А если вас случайно с ними что-то столкнуло, то советую делать ноги. Тем самым непостоянным членом группы, что появлялся лишь по собственному желанию, являюсь я. Богдан, шут или просто Джокер. Так меня называют на турнире, где каждый берёт себе псевдоним. Но именно «Джокера» нужно заслужить, и я жду того, кто наконец-то составит моему титулу конкуренцию.

Этот человек не займёт моё место, но он получит звание Червового Туза. У каждого из нас свои цели в жизни, и моя - найти того самого пятого члена команды.

Эта весна мне это предвещала. Глядя со второго этажа на всех гостей на первом этаже в платьях и смокингах, я искал Чёрную вдову, человека, чей псевдоним здесь был на слуху уже

чаще моего. Он появился недавно, выигрывал несколько партий для набора очков, привлечения моего внимания и уходил. Каждый раз сумма его выигрыша оставалась прежней, но соперники были всё сильнее и сильнее, и пока что никто ему не проиграл. Я ждал его, чтобы сразиться сегодня, жаждал этой встречи как никто другой, и я чувствовал, что скоро мои поиски закончатся. Он всегда выбирал VIP-комнаты, в которых никто не знал своего соперника. Он попадался случайным образом, но равный по силе.

На турнирах можно было скрывать свою личность, надевать маску или прятать волосы под париком. Но у всего были границы: маски обязательно должны были открывать глаза и губы, остальное было не важно. Чёрная вдова, по слухам, вооружилась всем, чем могла. И я решил показать игроку себя чуть раньше, чем требовал турнир. Я вышел на последний этап отбора вместо финала, который состоялся за две недели до главной игры первого апреля. Всё потому, что мне нетерпелось заглянуть в глаза человеку, который заставлял кипеть мою кровь от одних слухов о нём.

В свете пафоса, роскоши и богатства мелькнул бордовый плащ. И, почувствовав, как ускорился мой собственный пульс, понял, что это он.

- Чёрная вдова здесь, - оповестил меня охранник.

- Я уже понял.

На моих губах играла ухмылка, потому что наши взгляды с Вдовой встретились. Игрок поднял голову, чтобы посмотреть на балкон, где стоял я, переговариваясь с некоторыми гостями. У него был бордовый плащ и кружевная чёрная маска, а еще яркие губы. Чёртовы алые губы, как и полагалось Червовому Тузу. Я отставил бокал на поднос и стал спускаться по лестнице, чтобы подойти к игроку ближе. Но, словно испугавшись, он развернулся и принялся убегать. Ну уж нет, Чёрная вдова, сегодня мы с тобой сыграем.

Регина

Я хочу рассказать вам историю. Местами забавную, а где-то грустную, в ней есть и моменты, от припоминания которых у меня щемит сердце, и происходит это до сих пор.

Сердце? Я сказала «сердце»? Нет, правильнее выразиться - то, что от него осталось. Оно разорвалось, разбилось с треском, не оставляя и шанса на восстановление, но я не хочу заикливаться на своих чувствах. Так уж вышло, что людей в моей жизни было слишком много, и с моей стороны было бы эгоистично останавливаться на одной себе. И вам стоит помнить, что, внимая этой истории, вы должны смеяться: с глупости, с неловкости и порой самых неудачных совпадений. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на страдания, слёзы и переживания.

А мне пора начинать...

Сперва закройте глаза и представьте: что у вас ассоциируется с детством? Запах сосисок на костре в походе с лагерем на каникулах? Рой комаров в деревне у бабушки, куда вас отправляли родители каждое лето? Или, может, чьи-то мягкие прикосновения, тихие сказки на ночь или колыбельные? Ваше первое падение с велосипеда, когда родитель вас точно заверял, что держит за багажник, а вы вдруг обернулись и увидели, что никакой поддержки нет? Или всё же вам больше запомнились из детства ссоры родителей, их крики, осколки посуды, которые мама подметала, утирая слёзы и говоря тебе, что всё хорошо, а ты стоял посреди комнаты и не знал, что делать? Или у вас и вовсе не было родителей, но их отсутствие не отменяет наличия твоего самого безбашенного возраста в жизни? Или вы всё же считаете, что у вас не было детства?

Кто бы что ни представил, могу сказать точно одно - то, что происходило с вами в том возрасте, вас сформировало сейчас. Ваши страхи, ваши цели, планы, даже люди, которых вы выбрали в круг «особенных», являются отголосками вашего детства.

Вы не подумайте, я по профессии далеко не психолог, больше скажу, я и философствовать не особо люблю. Хотя многие думают совершенно иначе, глядя на тихую, ухоженную двадцатипятилетнюю девушку.

Просто сейчас я держала в руках журнал «Мурзилка» и случайно окунулась в прошлое. Наверное, так бывает, когда твоё детство ассоциируется именно с этим словом...

- Мурзилка, иди к нам!

Хотите знать, кто эта девочка, что бегаёт с двумя короткими хвостиками из резинок всех цветов радуги, в испачканном в земле джинсовом комбинезоне, с розовыми пухлыми щеками и сопливым носом вокруг пьяных взрослых мужчин?

Это я. И мне пять. А ещё я плохо понимаю происходящее, но мне весело, а это главное.

Я взобралась на деревянную скамейку, которую папа сделал собственноручно, и снова посмотрела на его руки: они были сухими, припухшими и в постоянных мозолях, наверняка, как у всех плотников.

- Что это? - он развернул мне карты.

- Каре, папочка?!

Остальные удивлённо открыли рты, а после рассмеялись.

- Да, малышка, а ещё это значит, что твой папочка снова выиграл, - его массивные, холодные и сухие руки погладили меня по голове.

Я не видела глаз, не знаю их цвета, помню лишь, что они были добрыми. Вечная щетина на подбородке, облако дыма, как лучший друг, и карты.

Кого-то учат алфавиту до школы, кого-то - устному счёту, меня, хочешь не хочешь, заставили выучить комбинации карт в покере, и не только в нём. Двадцать одно, дурак, водолаз, пасьянс. Правила игры я могла рассказать как считалку, но играть никто не давал. Но я была ужасно горда, когда папа подзывал меня, что-то спрашивал, а иногда давал в руки колоду, чтобы я перетасовала карты.

В ушах до сих пор их шелест. В носу - запах новой упаковки, краски и лака. Всё это возвращает меня в детство.

Чтобы понять меня сейчас, мне стоит еще кое-что рассказать.

За тем столом, который папа сделал так же сам (с моим участием, конечно), в очередной раз заработав новые занозы, сидели всегда его друзья.

В отличие от меня, что даже с местной детворой не нашла общий язык, мой папа был любимцем общества. Но кое-кто был рядом с ним всегда, не считая вечно недовольную маму, что постоянно причитала за нестабильный заработок, и меня, рыжеволосую девчонку, что всегда тягала соплю по полу. Их было четверо. И вам ни к чему запоминать имена, потому что мои детские ассоциации намного лучше охарактеризуют этих людей.

Под два метра, огромный, всегда в белой майке, причем почему-то чистой и выглаженной, с пивным мягким пузом (в которое я любила врезаться с разбегу при каждом появлении этого здоровяка в нашем доме, а после отпружинивать, и так раз за разом, пока меня не оттягивал за уши папа). Его звали Сорока.

Его братом-близнецом (хотя братьями они далеко не были, но я это очень агрессивно отрицала) был Слон. Такой же огромный, но менее поворотливый, намного медлительнее и с очень громким смехом. Я бы даже его назвала Мамонтом, но почему-то именно Слон прижился в компании отца.

Третьего я назвала Чуней. Его волосы и усы были такими же чёрными, как мои шерстяные тапки, которые мне на ноги натягивала мама, когда было холодно. И сидя за столом с ними вместе в очередной холодный осенний вечер, когда мама вновь заставила меня их надеть, я вдруг выкрикнула это, и все поддержали моё решение смехом, кроме Чуни, разумеется. Он отличался от всех некоей худобой, по крайней мере, по сравнению с остальными в этой компании.

Последнему прозвище я так и не придумала. Но папа говорил, что с таким именем ничего и не надо додумывать, ведь так можно назвать любой синдром, связанный со слабоумием. Он был просто Лёшей, или, как часто на него кричали: «Алёша, мать твою!» Ни в коем случае не хочу обидеть всех Алексеев этой планеты, но даже в свои пять я понимала, что для своего возраста этот мужчина очень слабо соображает.

Любая дискуссия заканчивалась Алёшиным «а что сейчас произошло?» или «что я пропустил?», притом сам он присутствовал за столом и, казалось, внимательно слушал. Я бы даже его прозвала «всё-мимо-меня-Алёша», но это было бы слишком длинным прозвищем.

И так сложилось, что нашими постоянными гостями стали Сорока, Слон, Чуня, Алёша, мой дорогой папа и Мурзилка.

Я не знала, как прозвать папу, и не догадывалась, какое прозвище было у него в этой компании, но если бы детский мозг имел чуть больше сообразительности, а я была внимательнее и настороженнее, возможно, я бы многого избежала.

Но, как я уже сказала, наше детство формирует нас. И моё время, в которое я под стол пешком ходила, было наполнено постоянными встречами этих пятерых, которые что-то тихо обсуждали, пока меня не было рядом, доверяли мне свои карты, когда я стала подрастать, а после восприняли как равную, когда мне исполнилось пятнадцать...

Теперь я остановлюсь здесь. Вам не нужно знать, как я из джинсового комбинезона перепрыгнула в обычные розовые штаны. Или как подстригла первый раз волосы (еще и самостоятельно, перед зеркалом), как вдруг придумала, что от подрезаний кончиков ресниц они так же будут быстрее и гуще расти, как если это сделать с волосами, и тут же решила проверить эту теорию. Как после этого смеялись папины друзья и даже стали делать со мной фотографии себе на память. Как считали меня вечным талисманом в каких-то победах и продолжали обучать карточным играм. И тем более вам не нужно узнавать, как я подралась с какой-то девчонкой в школе, местной стервой, которая меня взбесила одним своим хлопаньем длиннющих ресниц.

Как вы поняли, это больная моя тема, хоть не грудь, и на том спасибо. Об этом не знает даже мама.

Кстати о маме, она обо мне еще многого не знала. В младшей школе меня постоянно дразнили из-за дешёвой одежды, нормальную мы не могли себе позволить, да и я в ней не видела какого-то счастья. Еще она не знала, как часто я сбегаю с папиной компанией и играю в карты вместе с ними, так как с детства научилась врать. Сорока сказал, что это самое важное умение в жизни, правда, он еще что-то говорил про «блефовать», но таких сложных слов в семь лет я не понимала. Зато припомнила это слово тому же Сороке, когда впервые ободрала его как липку, сыграв с ним в тринадцать. Тогда уже, сжимая в руках карты, я отлично осознавала, как нужно ходить. А еще я научилась считать!

Простая математика, а сколько дверей она мне открыла. Я выиграла все школьные турниры по математике в средней школе, о чём мама так же не знала. Еще об этом не знал и папа, потому что стал всё чаще пропадать из дома.

Чем взрослее я становилась, тем реже встречалась с любимой четвёркой странных личностей и моим отцом. И я скучала. Безумно сильно скучала.

- Он скоро вернётся, - холодно отзывалась мама, когда видела, как я сижу на деревянном подоконнике в нашем доме, поджав под себя ноги, и смотрю на крыльцо.

- Это тебе твои карты сказали?!

Я кричала и плакала, когда долго не видела своего родителя. Я смотрела на дом, который он построил своими руками, ими же его и отделал, и вспоминала его постоянные мозоли, а еще то, как периодически помогала ему тягать доски.

В тринадцать я уже стала скандалисткой. Самой настоящей. Та маленькая девочка превратилась в Регину-не-дай-бог.

Теперь я точно знала, что моя мама официально никем не работала, только и делает, что гадает людям на картах. Таролог, а не ведьма, как я её называла всю сознательную до этого жизнь, чем отпугивала одноклассников от себя. А когда ко мне подходили подружиться, я кричала, что моя мама наложит порчу, - и ко мне больше не прикасались. А всё потому, что никто бы не заставил меня смеяться громче Слона, никто бы не научил меня лучшему блефу, чем Сорока, никто бы не погладил меня по голове нежнее отца, не рассказал мне страшную историю лучше Чуни. А Лёша... Это был просто Алёша.

Мы стали состоятельнее, совсем немного, но моя одежда стала лучше, еда вкуснее и свежее, мама теперь выглядела как настоящая женщина: всегда в длинных тёмных платьях и с красивой уложенной высокой причёской, вместо растрёпанного хвостика и старого спортивного костюма. От неё оставался шлейф приятных духов, но это был не сигаретный дым, который постоянно витал вокруг папы.

Мамина рука легла мне на голову так же, как папина. Она прислонила меня к своей груди точно так же, как это делал он, но была проблема. Мама - не папа!

- Он скоро вернётся, я обещаю...

И это действительно произошло, только тогда я не знала, чего нам всем будет стоить его возвращение.

Всё началось с того, что мои ожидания наконец-то дали плоды - я увидела через окно, как папа поднимается по ступенькам на крыльцо нашего дома. Я сразу же выбежала ему навстречу и повисла на шее.

- Привет, Мурзилка. Скучала?

- Конечно!

Я не отпускала его большую и сильную шею до последнего, и, вися так на нём, оказалась в доме вместе с ним. После родители о чём-то разговаривали на кухне, а уже через пару часов, вечером, вся папина компания воссоединилась, только теперь дома у Чуни.

В отличие от папы, он не был обладателем таких золотых рук, поэтому мы все разместились в сыром гараже, где горел ядовитый белый свет от ламп накаливания.

И вновь дым, смех с идиотских шуток, которые я не понимала в пять и так не нашла в них смысла и в пятнадцать.

Теперь я не только наблюдала за всеми, я сама стала игроком. Из всей огромной компании был лишь один человек, которого я так и не смогла обыграть в покер. Несложно умножить два на два и в итоге понять, что это мой отец. Как бы я потом ни просила его сыграть со мной до этого, он никогда не соглашался. Конечно, я не могла блефовать перед человеком, который знал точное количество родинок на моей спине, но в этот раз всё было иначе.

Папа поставил перед собой стул. Чуня, Слон, Сорока и Алёша с интересом стали наблюдать, как папа вытягивает мне карты и говорит назвать масти. Я должна была говорить правду и лгать в каком угодно порядке, и папа с лёгкостью угадывал, где именно я вру.

- Слишком медленно выдумываешь...

- Сейчас взгляд отвела.

- Мурзилка, это серьёзное задание.

Не знаю, с чего он вдруг начал это делать, но после того возвращения достаточно было пройти всего неделю, чтобы я смогла провести в покере даже собственного отца.

- Вот же проклятая семейка картёжников! - Слон был на взводе.

Теперь он не выглядел таким добрым и большим дядей, как прежде, сейчас он злился, что я у него вновь выиграла.

- Я еще неплохой математик и умею считать. Сорока, верни червонный туз на стол из-под рукава, не думай, что в этот раз меня так просто обманешь.

Этот мужчина в белых майках полностью оправдал свою кличку - тянул всё со стола, подкидывал фальшивки и обладал весьма ловкими пальцами.

Но моё внимание было острее, а счёт в голове - быстрее.

- Слон, прекрати вздыхать, когда у тебя проигрышная комбинация. Я уже в начале игры знаю, на какой минуте ты скажешь «пас».

- Чуня, а ты... - черноволосый с улыбкой уставился на меня, выкуривая сигарету. - Ты можешь лучше.

- Приятно слышать это от школьницы, - ответили мне, - и вся компания засмеялась, включая и моего отца.

Но последний погладил меня по голове в придачу и прислонил к своей груди - и вновь я почувствовала родной запах, дарящий чувство защищённости и полной безопасности.

- Да, она еще школьница, но уже делает всех на...

Чуня вдруг потушил окурок, Слон и Сорока поставили пиво на стол, и только Алёша вдруг убрал из-под подбородка руку и удивлённо спросил:

- А что случилось? Чего все притихли?

- Мне тоже интересно. Папа? - я отстранилась от твёрдой груди и посмотрела в его добрые глаза. Прискорбно... Я так и не вспомнила их цвет.

Возможно, мне не стоило задавать этот вопрос. Не нужно было после устраивать очередную истерику, а нужно было взять и обнять папу крепче, наконец-то запомнить цвет его глаз, заставить бросить курить и что-нибудь с ним построить во дворе. Но нет. Если бы судьба была такой простой штукой, мы бы и ошибок не совершали, и кем бы тогда стали?

Какими бы людьми мы были, если бы наши судьбы не надламывались в самый неподходящий момент? Почему нам никто не говорит, когда мы видим человека в последний раз, чтобы обнять его как можно крепче, сказать самые тёплые слова, а не кричать что-то из-за какой-то детской глупой обиды, а потом жалеть об этом всю жизнь?

Папа тяжело вздохнул и после рассказал какую-то нелепицу. Нет, сперва всё было совершенно понятно: есть какой-то турнир среди заядлых картёжников, папа в нём участвовал и не

раз, да и не только он. Слон, Чуня, Сорока и Алёша тоже про него слышали и участвовали (вот последний вообще удивил). Но после он сказал, что там стали крутиться большие деньги, высокопоставленные люди, и самых обычных игроков стали вытеснять, и из всей команды остался лишь мой отец, который и стал обеспечивать нашу семью.

Удивительно, что меня не окутала гордость за своего папу, а я почувствовала страх.

- А это легально? - почему-то спросила я, - и тишина, что стояла колом между всеми нами, стала еще несноснее.

- Это легально, папа?! - крикнула я и словно отпрыгнула от него.

- Мурзилка...

- Папа, ты преступник? Бандит? - мой крик перешёл на шёпот, а по щекам потекли слёзы.

- Малышка, играть на деньги - это не преступление.

- Тогда почему ты не ответил на простой вопрос: это легально?

Он мотнул головой. Мне этого хватило на тот момент, чтобы расплакаться еще больше и убежать из того гаража.

Я не разговаривала с отцом еще некоторое время. Возможно, это продолжалось неделю, а может, две, но вскоре он снова ушёл, оставив в воспоминаниях о себе лишь облако сигаретного дыма.

Я ходила мимо подоконника, на котором обычно ждала его, но так ни разу и не села на него в ожидании родителя. Мама по этому поводу со мной не говорила, но я слышала, что отец и ей обо всём рассказал. В тот момент я поняла: она не хотела рушить в моей голове образ заботливого папы, и я впервые почувствовала к ней уважение. Но вскоре нам с мамой было суждено стать еще ближе, когда через пару дней после исчезновения отца из дома нам доложили о его аресте - и мама в тот же день стала впопыхах складывать вещи, крича мне, чтобы я делала то же самое.

Регина

С того дня, когда я бегала с сумкой, слабо понимая, что происходит, произошло очень многое. Не думаю, что вам интересно узнать, как я спорила с мамой, что именно из моих вещей мне жизненно необходимо, как плакала и кричала, почему она мне ничего не объясняет.

Вам следует знать лишь то, что после того дня я сильно изменилась. Возможно, постоянные переезды на меня так повлияли, а может, всё из-за разбитого сердца. Да, оказывается, не только парни могут его разбивать в пубертатном периоде, родные тоже на это вполне способны. Но парня вы можете забыть или навсегда вычеркнуть из жизни, а вот родного папу - вряд ли.

Мы перебрались из Подмосковья в сам мегаполис - нам следовало затеряться среди людей, чтобы нас не нашли. И терялись мы на протяжении двух лет, переезжая с места на место, меняя квартиры одну за другой. Мои первые семь огромных ящиков вещей превратились в пять средних, а затем - в два и маленький рюкзак в придачу. Не слишком много успеваешь покупать, нет особого интереса к чему-то привязываться, зная, что придётся всё выкинуть, потому что по почте вдруг придёт письмо - и мама вбежит в квартиру с очередным криком: «Собирай вещи!» От кого были те самые письма, узнала я лишь через два года.

Я засыпала с одной лишь мыслью: «Пусть всё это закончится». Вселенная слышит наши желания, главное - после не пожалеть о том, что у неё попросил. И когда в нашем доме я увидела Сороку, впервые за два с половиной года, что не видела ни компанию отца, ни его самого, я вдруг поняла, что моя просьба была услышана.

Нет, я ни разу не пожалела и не жалею до сих пор, хотя с того момента прошло уже много лет - и я с содроганием вспоминаю, как постоянно меняла место учёбы, как старалась адаптироваться к тем, кто меня окружал на новом месте. Как каждый раз ставила себя на ноги, так как была в ответе сама за себя, прекрасно понимая, что отца в моей жизни больше нет, а мама и так старается заботиться о нас двоих.

Мне пришлось забыть о старшей школе и высшем образовании, потому что я стала работать, перестав уделять должное время обучению, которое могло открыть мне двери в места получше. Промоутер, уборщица, официантка и напоследок - бармен в ночном клубе. Последнее приносило больше всего прибыли, как и удовольствия, но отнимало сил в сотню раз больше, чем все предыдущие работы, вместе взятые. Но был один маленький секрет - мне ещё не было восемнадцати. Устроилась я туда, неплохо заплатив, но уже за пару выходных окупилась все свои затраты.

И у всего происходящего был один большой плюс. Я сблизилась с мамой, которую недооценивала все эти годы. Ей пришлось забросить своё дело, но я видела, как иногда вечерами она практикуется с картами Таро, пытается записать расклады на видео, загрузить их в свой блог, на котором было совсем мало подписчиков. Меня бросало в дрожь от одного только вида карт, любых, абсолютно. Я их ненавидела, как и отца. И, возвращаясь рано утром в очередную съёмную квартиру, думала над тем, что никогда не сделаю двух вещей: больше не возьмусь за карты и не доверю свою жизнь мужчине, который с ними связан.

- Привет, Сорока, - холодно поздоровалась со всё таким же крупногабаритным мужчиной, на голове которого уже образовалась огромная лысина.

Возможно, она была там всегда, но из-за моего низкого роста я никогда этого не замечала. Не скажу, что для своих семнадцати лет я была уже высокой, но десяток сантиметров точно выхватила из генетики и стала на полголовы выше матери.

- Привет, Мурзилка.

Он сидел на нашей кухне за столом вместе с моей мамой. Она плакала, и, судя по всему, произошло что-то хорошее, потому что она улыбнулась сквозь слёзы, сжимая в руках какие-то бумажки.

- Регина, мы свободны...

Этой фразы хватило, чтобы упасть коленями на пол и почувствовать, как какие-то оковы падают с моих запястий, как я вновь глубоко вдыхаю воздух, как холодный пот больше не течёт по спине.

- Человека, который не смирился со своим проигрышем и хотел вам отомстить, арестовали месяц назад. Я слишком поздно сообщил, но хотелось удостовериться, что к вам никого не подожмут.

Меня подняли сильные руки и посадили за стол - туда, где только что сидел мужчина.

Мама после этих слов вновь расплакалась, а я, чувствуя опустошение и эйфорию в одном флаконе, старалась всё выяснить до конца.

- Нас могут достать другие, кого обидел папа. Или этот... Кто это был?

- Нет, Регина, всё. Забудь, вас больше никто никогда не тронет. И это слово я даю тебе от всех тех людей, которые окружали тебя всё твоё детство. И на карту, которую я вам оставляю, каждый из нас будет ежемесячно докладывать сверху, помимо тех денег, что там уже будут.

Меня прижали к себе. Но щека соприкоснулась не с твёрдой грудью, а с мягким животом, от которого пахло дорогим одеколоном, а не сигаретным дымом.

- Проводишь меня? У большого дяди есть ещё дела.

Мама дала знак, чтобы я так и сделала. Я на ватных ногах встала со стула и пошла в другой конец квартиры, где мужчина крепче схватил меня за руку и тихо произнёс:

- Твоя мама тебе так ничего и не рассказала об отце?

- Ничего, и я не горю желанием знать что-либо о человеке, который влез туда, куда не следовало, - эту фразу я отчеканила так, словно повторяла каждую минуту. Так оно фактически и было, только мысленно.

- Не говори так, - в глазах мужчины отразились огоньки осуждения. - Он любит тебя и ждёт, всё ещё. Ты должна с ним поговорить... И со всеми нами. Нам много чего нужно тебе рассказать, возможно, даже за партией...

- Нет, - из-за непонятно откуда резко свалившейся усталости не было сил даже на крик: тело задрожало, а руки стали леденеть. - Никогда, больше никогда ничего не говорите мне про карты! Я не желаю даже слышать название какой-либо игры... Вот что они сделали с моей семьёй...

Я показала на старую квартиру, срок съёма которой заканчивался через пару дней, а средства, которые мы зарабатывали совместными усилиями, таяли с невероятной скоростью в таком большом и дорогом городе. Но если бы мы переехали куда-то дальше - это бы означало неминуемый конец. Возможно, мы бы смирились с ним уже в этом месяце, но человек из прошлого решил напомнить нам о том, как всё было раньше.

- Мы скитались два года, у меня не было даже возможности подумать о чём-то хорошем, касающемся отца, потому что каждое утро я вставала и проклинала его, засыпала с мыслью, что ненавижу его и все его карточные авантюры. Ему нет оправданий.

- Как знаешь, - вздохнул Сорока и отпустил меня. - Но я хорошо тебя знаю, Регина, слишком хорошо. Если захочешь, ты сможешь меня найти. Тебе понадобятся лишь две вещи: желание и готовность всё хорошо обдумать.

- Прощай, Сорока.

- До свидания, Мурзилка.

Дверь закрылась, а вместе с ней закончилось и тёмное прошлое, которое тянуло нас на дно до сегодняшнего дня. Сорока, словно волшебник из сказки, спустился к нам на землю, чтобы обрезать тёмные нити страха, неудач и постоянных переездов. Как и полагается волшебнику в любой сказке, он должен исчезнуть, а главные герои должны дальше самостоятельно продолжать свой путь без чьей-либо помощи.

Оказалось, что Сорока и правда оставил нам кое-что - это была дебетовая карта с достаточно большим количеством средств на существование. Это были деньги отца, которые он выиграл в последний раз и так и не принёс в дом. Что же, они оказались в наших руках только спустя два с половиной года и тысячу проклятий. Сорока сказал, что мы можем обращаться к друзьям отца по любому поводу, в том числе и финансовому, но я считала иначе. Эти добрые люди окружали меня всё детство, я вспоминала их с теплом, но там им и следовало оставаться. В памяти, в тех далёких днях, когда я ещё любила папу.

Вскоре мы переехали. Возможно, для нас двоих четырёхкомнатная квартира была слишком большой. Но мама, что собиралась продолжить своё дело с гаданиями, потребовала собственный кабинет, а также по комнате для каждой из нас и гостиную.

Я впервые раскладывала вещи по полкам, зная, что всё будет хорошо, больше не надо будет выбрасывать их в мусорку, и я, наконец-то, могу себе что-то позволить. Засыпая в первую ночь в нашей новой просторной квартире, я впервые не проклинала отца. Мне было не до него. Теперь я могла подумать о будущем - о своём счастливом и, наверняка, успешном будущем.

Регина

- Собирайся, - мама сжимала огромный чёрный пакет, в котором были вещи.

Плотный, блестящий и очень большой. В моих руках по волшебству оказался такой же. А может, я взяла его уже давно и просто не хотела принимать реальность. Очередной переезд, что же... Я была к этому готова, что бы кто ни говорил.

В последний раз окинула полным тоски взглядом обшарпанную квартиру, которую мы сняли совсем недавно. Обои кое-где облезли, но если за это была такая приемлемая для нас двоих цена, то почему бы и нет?

- Скажи, мама, когда это закончится?

Скидывала из старого платяного шкафа всё в пакет не разбирая. Вещей было немного, а что может накопиться после частых переездов?

- Ну когда же?!

По щекам слёзы. Солёные. Я чувствовала их вкус.

Меня обняли за плечи - нежно, мягко, легко.

- Всё, всё закончилось, - шептала мама не своим голосом.

- Когда же?! - вновь кричала я.

Объятия мамы стали жёстче.

- Регина! Регина, всё закончилось, слышишь? Проснись!

Глаза распахнулись. Моё сбивчивое дыхание еще приходило в норму, когда я смотрела на потолок, освещённый лишь проблесками полной луны, а потом накрыла крупные ладони своими тонкими пальцами.

- Ян...

Мой шёпот растворился в ночной тишине, что висела в комнате.

- Всё хорошо, Регина.

Меня поцеловали в плечо. Губы парня коснулись кожи, стали спускаться ниже, туда, где в учащённом ритме под маечкой билось моё сердце.

- Кошмар приснился?

Я запустила руку в мужскую шевелюру, что при свете солнца переливалась как спелая пшеница.

- Да...

Но страшные воспоминания вместе со сном улетучивались, оставляя место приятным чувствам, которые дарили объятия любимого человека. Мы перевернулись на бок, я прижалась спиной к горячей груди, чувствуя, как всё еще колотится сердце.

- Ты просто на эмоциях.

- Сколько сейчас? - я попыталась дотянуться до своего телефона, чтобы посмотреть время, но мою руку перехватили, не давая и шанса.

- Время спать, Регина.

Наши пальцы переплелись, и только тогда мои веки сомкнулись в полном спокойствии.

Верно. Это страшный сон. Та Регина в прошлом, та маленькая девочка, что ходит по съёмной квартире с ящиком и пакетом и собирает вещи. На её место пришла другая девушка.

Сильная, потому что вытерпела всё это. Умная, потому что месяц назад получила место в престижном университете, чтобы обучать студентов, пусть я и старше-то буду их совсем ненадолго. А главное - любимая.

Ян стал моим первым и последним парнем, с которым я случайно столкнулась, идя по коридору университета с огромной кипой книжек, из-за которой ничего не видела. Собственно, поэтому я упала, разбила колени в кровь и рассыпала всё, что несла. А проходящий мимо меня утончённый, но не лишённый мужественного обаяния, слегка худощавый, модель-

ного телосложения незнакомец с гладкой кожей, колючим взглядом из-под пушистых, таких же тёмных, как и радужки глаз, ресниц решил помочь маленькой бедной мне.

Но эту историю я приберегла для наших будущих детей, потому что реальность была мрачной.

Несмотря на то, что жизнь моя круто изменилась, в клубе я всё же осталась работать еще некоторое время. Только смен было меньше и часов работы, но я не решалась покинуть атмосферу, от которой получала уже не усталость, а удовольствие, плюс неплохой заработок. Но в двадцать три я решила, что пора менять обстановку. Всё-таки я выбрала путь преподавателя на кафедре, а не элитного ночного дегустатора коктейлей. Мне оставалось доработать в клубе всего пару часов, так как это была моя последняя смена, и когда об этом узнал Жора, мой напарник, вечно в белой рубашке с бантиком под горлом и подтяжках в тон брюкам, он предложил выпить.

Шот первый: мне стало веселее. Я наконец-то начала смеяться, потому что чувство детства вновь появилось где-то глубоко внутри, после того как я его похоронила лет в пятнадцать.

Шот второй: музыка стала отдаваться внутри меня, я с ней начала сливаться. За барную стойку кто-то сел, и я стала ему лучезарно улыбаться. А после того как посетитель отчалил, оставив приятную сумму на чаевые, я вновь вернулась к Жоре.

Шот третий: я чувствовала себя прекрасно! Я стала танцевать за барной стойкой с коктейлями в руках, чувствуя себя на какой-то грани.

Не подумайте, я знала свою меру. Она равнялась ровно пяти шотам текилы. И у меня в запасе оставалось еще два - ровно столько же часов и до окончания моей смены.

Шот четвёртый: у меня новый посетитель. Ух, ну и взгляд! Я почувствовала себя тем самым кубиком льда, что оказался в стакане виски этого неприветливого посетителя лет...

Я приблизилась на неприлично близкое расстояние, чтобы лучше рассмотреть его лицо. Холодное, слегка отстранённое и уж точно не самое приветливое на этом свете.

- Эй, Рень! Давай последнюю! - клич Жоры спас этого незнакомца от моего прищура, который он встретил поднятыми от удивления бровями.

- Бегу!

Развернувшись, почти что поскакала к напарнику. Но моё запястье кто-то перехватил, сжал до боли, удерживая на месте.

- Ей хватит! - из-за моей спины раздался голос русоволосого с манящими тёмными глазами.

Кто-то в народе называл это биологическим уродством - светлые волосы и тёмные глаза. Но покажите мне того, кто это придумал, чтобы я назвала уродом его. Незнакомец был прекрасен во всех смыслах, и уверена, что четыре шота не были тому виной.

Жора так и завис с бутылкой в руках, глядя через мою голову. Улыбка его пропала, хотя щёки так и оставались зарумяненными от повышенного градуса в крови.

Незнакомец дождался конца моей смены, сидя на своём месте. И мы работали с напарником словно под надзором.

- Ты знаешь его? - спросила я, чувствуя на себе пристальный взгляд.

- Впервые вижу. Но, кажется, так просто он от тебя не отстанет.

Последняя фраза отрезвила. Я резко обернулась и вновь посмотрела в лицо того, на кого сама же и напоролась. Прокручивала варианты дальнейшего исхода событий - и ничем хорошим ни один не заканчивался.

- Нужно делать ноги, - тихо сказала Жоре, как только смена моя закончилась.

- Может, полицию? - предложил резонно напарник, но он не учёл, что во мне было уже достаточно эликсира храбрости, который давно впитался в кровь и сердце.

- Справлюсь, - лишь бросила я уверенно.

Собираясь выйти через запасной выход, стала быстро перебирать ногами, не оглядываясь. Но смена закончилась, а вот действие алкоголя - нет. Меня пошатнуло, но сильные, пусть и худощавые руки упасть не дали. Подняв глаза, наткнулась на улыбку. Какую-то холодную, зловещую, словно меня хотели похитить.

- Mamочки...

- Меня зовут Ян, - усмехнулся он, - и мне бы не хотелось, чтобы ты и дальше работала в этом месте.

- Ха! - пусть это и был мой последний рабочий день, я решила попривередничать. - Тоже мне, нашёлся, профессор. А больше ты ничего не хочешь?

Его улыбка стала теплее. Мужские пальцы переместились с моего запястья и талии на лицо, которое он стал сжимать, после чего крепко поцеловал в губы.

Горький вкус, отдающий какой-то дикой страстью и бурлящей кровью от неизвестного. Такой коктейль Жора мне еще не готовил, но он мне понравился, причём настолько, что мои руки оказались на шее незнакомца, я приподнялась на носочки и потребовала продолжения, которое без сомнений последовало.

Мой первый поцелуй. Теперь детство Регины официально закончилось. Это было лучшим итогом всего того периода, что я просыпалась в холодном поту.

С Яном лучше я познакомилась в машине, когда переоделась и спустилась для продолжения. И на секунду не задумалась об опасности, и чья же вина: алкоголя или мимолётной влюблённости?

Ян. Именно так звали человека, который ни на что за ту ночь больше не намекнул. Тактично спросил адрес и обменялся со мной номерами телефонов. А уже на утро меня ждала жуткая головная боль, отёкшие ноги от усталости и сообщение от парня с просьбой встретиться в ближайшее время...

Но кроме Яна, который уже через неделю после нашего знакомства стал моим парнем, в моей жизни появился еще один человек, которого было просто невозможно не запомнить.

С этим человеком мне довелось познакомиться на сессии. В первый же её день. И я не знаю, что в моей жизни было страшнее: первый экзамен или это чудовище.

Короткие фиолетово-чёрные волосы, круглые очки, рост под метр с кепкой, колготки в крупную сетку под чёрными шортами, которые открывали не худенькие, а бы сказала, далеко не худенькие ноги девицы, которая заставила всех оторваться от судорожного перелистывания и повторения конспектов.

«Колобок, колобок, куда ты бежишь?»

Я улыбнулась собственным мыслям и прикрыла лицо тетрадью.

- Что смешного? - пузыря жвачку, спросила незнакомка у меня.

- Анекдот вспомнила, - почти правду ответила ей я.

- Глядя на меня? - глаза лесного ореха с жёлтыми крапинками с вызовом уставились снизу вверх.

Регина Сергеевна, что же вы натворили в тот момент? Почему именно тогда не сдержали свой язычок за зубами, придерживаясь образа тихой серой мышки, которую так никто и не заметил за весь семестр.

- Да, а что?

Вызов был принят, но результат был странным. Мне улыбнулись, прислоняясь к стенке спиной точно так же, как и я.

- Да ничего, люблю смелых и весёлых. Как тебя зовут?

- Регина, - вновь совершила ошибку я.

- А меня Лиза. Будем знакомы...

Она хотела сказать что-то еще, но дверь аудитории открылась, а затем вышел преподаватель, приглашая пять человек, чтобы принять экзамен. Меня начало трясти. Руки выронили

тетрадку, и я уступила своё место какой-то девушке, понимая, что не в состоянии зайти в кабинет.

- Вот жуть. Чего тебя так колбасит-то? Это ж не конец света.

Я уже и забыла имя странной девушки, что появилась среди нашей группы впервые с начала учебного года.

- Ой, ма-а-а-ать, на, чайку выпей.

В руках у меня оказался маленький термос, причём уже открытый. Тихо поблагодарив, я сделала пару глотков... Зависла. Еще несколько глотков мне потребовалось, чтобы удостовериться в предположении, которое озвучить так и не осмелилась.

- Эй, присосалась. Мне оставь.

Блестящие глаза Лизы, кажется, сказали всё сами за себя.

- С каких пор ты красное вино чаем называешь? - шепнула я, чтобы никто не услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.